

Арсений Хитров

БЛОГ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В статье модель виртуальной личности сопоставляется с другими личностными моделями, разработанными в новой европейской культуре. В ходе анализа демонстрируется, что виртуальная личность не является исключительным и новым явлением в истории европейской культуры. Ее основные атрибуты (самоконструирование, бестелесность и множественность) уже не раз обыгрывались как в философии, так и в литературе, а ныне они получили лишь еще одну возможность для объективации — на новом технологическом уровне.

Помимо перечисленных выше свойств виртуальной личности важно отметить еще одну — ее принципиальную диалогичность. Автора, пишущего в сетевом дневнике, интересует отклик, который он может получить от удаленного, если перефразировать Мандельштама [1987], собеседника. Его интересует отклик не только знакомых, но и другого, неизвестного сознания. Сетевая личность невозможна без другой сетевой личности. Автор сетевого дневника обращается к себе, к Другому и к себе как Другому. Дальнейшие перспективы рассмотрение данной проблематики можно связать с комплексом явлений, объединяющихся понятием *eWeb 2.0* [Тим О'Рейли 2005]. Концепция *«Web 2.0»* родилась как ответ на проблемы *«классического»* Интернета (*«Web 1.0»*), представляющего собой малоподвижную, статичную структуру с минимальными возможностями обратной связи. Дialeктика *«Web 2.0»* и *«Web 1.0»* является также диалектикой потребления и коммуникации. Пассивный потребитель *«классического Интернета»* становится активно коммуницирующим существом. Однако формы коммуникации, предлагаемые новой суммой технологий, настолько разнообразны, что коммуникация становится не просто передачей информации, но и действием.

Медиа как обстоятельства

Тема, обозначенная в заглавии данного текста, требует небольшого предварительного комментария. Ее появление было спровоцировано несколькими факторами.

Первым фактором стало знакомство с теориями современной массовой культуры, давшими понять, что предметом культурологического анализа может стать актуальная, текущая культурная ситуация. Мы можем найти примеры подобного анализа у экзистенциалистов, напри-

... у Ясперса, Ортега-и-Гасета; в рамках философии техники; у семиологов (Барт, Бодрийяр, Эко и т.д.); у неомарксистов (Франкфуртская школа); в трудах школы *cultural studies*; а также в трудах особенно стоящих теоретиков, таких как Маршалл Маклюэн, Нейл Постман, Ги Дебор, Мануэль Кастельс. Существование подобных исследований доказывает, что проблема медиакультуры уже достаточно давно присутствует в рамках культурологического дискурса.

Вторым фактором стало понимание того, что культура состоит не только из объектов, предполагающих специфические отношения возвышенного или прекрасного, но и из объектов повседневности. Это предметная среда, в том числе и техника, а значит и средства массовой коммуникации. В связи с этим можно привести одну фразу, сказанную Ортега-и-Гасет в книге *«Вокруг Галилея»* [1933]:

И даже тот, кто, сидя здесь, не слушает меня, вынужден болезненно напрягаться, стараясь изо всех сил отвлечься от моего голоса и сосредоточиться на чем-то еще. Столько раз доводилось нам поступать именно так, ища защиты от двух новых врагов человечества — радио и граммофона! [Ортега-и-Гасет 2000: 262].

Тот же Ортега-и-Гасет любил повторять: *«Я это я и мои обстоятельства»*. Рассматривая приведенную выше случайную реплику философа, обращенную к наполненной студентами аудитории, в контексте его экзистенциальной формулы, мы понимаем, до какой степени конкретны эти *circunstancias* (обстоятельства). В их число на равных входят и шум улицы, и тяжелые раздумья, значительное и случайное, величественное и повседневное. Голос радиоведущего, который досаждаст нам, или приятная мелодия, услышанная по телевизору, — все это входит в наши обстоятельства, составляет уникальный ландшафт нашего жизненного мира. Но, пожалуй, стоит задуматься, насколько насыщена наша жизнь звуками, образами, смыслами, пришедшими к нам извне, причем пришедшими к нам вопреки нашей воле или ловко миновав ее фильтры.

Удивительную возможность радикального расширения личного опыта, предоставляемую цивилизацией отдельному индивиду, называют техникой. Техника представляет собой медиум, опосредующий человеческий опыт, общение человека с реальностью, однако этот медиум нередко сам трансформирует реальность или творит ее с нуля. Когда говорят об информационных потоках, рассмотренных в качестве реальности, то неизбежно упоминают и так называемые *медиа*, или средства массовой коммуникации в самом широком смысле.

«В дальнейшем понятие "массмедиа" должны быть охвачены все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений», — говорит Никлас Луман в книге «Реальность массмедиа» [Луман 2005: 9], уточняя, что «только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации <...> привело к обособлению особой системы массмедиа» [Там же].

При этом, по мысли Лумана, именно посредничество техники оказывается решающим для понимания специфики сферы массовых коммуникаций. Сфера массмедиа не допускает прямого личного контакта.

Возвращаясь к фразе Ортега-и-Гасет, можно сказать, что обстоятельства современного человека во многом определяются техникой, однако не техникой в широком смысле, а техникой, передающей информацию. Значимым для понимания специфики этих процессов, их отличия от коммуникаций так называемой «эры Гутенберга» в целом является скорость передачи информации, объем передаваемых данных и растущая диверсификация средств их передачи.

Поистине радио и граммофон, о которых пишет Ортега-и-Гасет, это представители медиа-универсума, с существованием которого невозможно не считаться, говоря о положении человека в современном мире. Поэтому наш анализ будет обращен, прежде всего, на то новое, что привносят медиа в наш жизненный мир, в структуру наших обстоятельств, в сюжет нашей жизненной драмы.

Диалектика коммуникации и потребления в структуре киберпространства

к известно, эпоху мировой культуры, в которую происходит массовое распространение информации и знания посредством книг, Маршал Маклюен назвал «Галактикой Гутенберга» [1962]. Не случайно известный социолог и теоретик информационного общества Мануэль Кастельс назвал одну из последних своих работ «Галактикой Интернета» [2000]. В ней он описывает кардинальные изменения, произошедшие в социальной, экономической и культурной сфере под воздействием Интернета и сетей вообще. Возникает новая экономика, новые социальные образования, новое отношение к знанию и т.д. Несмотря на масштабность подхода Кастельса, который сравнивается некоторыми исследователями по своему стремлению к всеохватности с Марксом, как нам представляется, вопрос воздействия Сети на человека и на культуру далек от какого-либо полного разрешения.

Исследование Интернета осложнено его постоянной эволюцией. Так, например, сейчас мы все чаще сталкиваемся с комплексом явлений, объединяющихся понятием «Web 2.0» [О'Рейли 2005]. Концепция «Web 2.0» родилась как ответ на проблемы «классического» Интернета («Web 1.0»), представляющего собой малоподвижную, статичную структуру с минимальными возможностями обратной связи. Диалектика «Web 2.0» и «Web 1.0» является также диалектикой потребления и коммуникации. Пассивный потребитель «классического Интернета» становится активно коммуницирующим существом. Однако формы коммуникации, предлагаемые новой суммой технологий, настолько разнообразны, что коммуникация становится не просто передачей информации, но и действием. По-видимому, в рамках этих процессов происходит трансформация некоторых важных для европейской культуры доминант. Отметим лишь некоторые.

Интернет-энциклопедия «Википедия», построенная на технологии wiki, позволяет любому пользователю создавать свои статьи или править уже существующие. И несмотря на то, что вокруг «Википедии» происходят постоянные споры и скандалы, этот ресурс является чрезвычайно популярным и посещаемым. Нам представляется, что на этом примере мы можем наблюдать трансформацию отношения человека к знанию (нет необходимости напоминать, что начиная с эпохи Просвещения энциклопедия становится символом знания).

Показательно другое явление — программные продукты с открытым кодом, так называемые open source, которые могут быть рассмотрены как технологическое воплощение постмодернистской идеи «смерти автора».

Кроме того, стоит обратить внимание на распространяющееся явление публичного потребления различных информационных продуктов. Данное явление, по-видимому, требует отдельного исследования, поэтому наметим лишь основные его особенности.

В качестве примера информационного ресурса, который позволяет трансформировать частные практики потребления музыки в практики публичные, может служить сайт www.last.fm. Данный ресурс объединяет в себе элементы социальной сети (пользователи могут объединяться в группы разной степени близости: «друзья» и «соседи»), системы рекомендации («recommendation system», в которой специально разработанные программы автоматически предлагают пользователю обратиться к тому или иному музыкальному направлению или артисту в зависимости от его манифестированных предпочтений) и свободной энциклопедии (о каждом из музыкантов ресурс предлагает энциклопедические справки, которые могут создаваться или управляться пользователями). Технологически взаимодействие пользователя с этим ресурсом осуществляется при помощи специальной программы, которую пользователь предварительно должен установить на своем компьютере. Эта программа «считывает» данные о музыке, которую слушает на компьютере пользователь, и передает ее на сервер. Last.fm автоматически выстраивает рейтинги прослушанных пользователем музыкальных композиций и наиболее часто прослушиваемых музыкальных коллективов или музыкантов.

Еще одним примером коллективного потребления информационных продуктов является так называемая служба «социальных закладок». Примерами могут служить такие ресурсы, как <http://del.icio.us/>, <http://givealink.org/>, <http://www.citeulike.org/>. В данном случае предметом потребления становятся те или иные сетевые ресурсы, ссылки на которые пользователь может сохранить на указанных сайтах, причем его ссылки могут служить рекомендацией для других пользователей, также объединяющихся в социальные сети.

Эти примеры убедительно демонстрируют глубокую связь процессов потребления и коммуникации в пространстве Интернет. В качестве устойчивой тенденции развития Интернета можно назвать дальнейшее расширение сфер социального взаимодействия и публичного потребления, конституируемых коммуникативными практиками.

Еще одно явление, синтезирующее в себе практики потребления и коммуникации, — это сетевые дневники, или блоги. Они предоставляют богатый материал для размышлений и, самое главное, открывают возможности для исследования воздействия Интернета на человека, на структуру его жизненной драмы.

Если в 2004 г. слово «блог» заняло первое место в десятке самых популярных поисковых запросов [<http://www.merriamwebster.com/info/04words.htm>], то в начале 2006 г. его значение стало, кажется, известным практически всем Интернет-пользователям, а сам феномен онлайн-дневников перестал вызывать особенное удивления. Однако отсутствие удивления вовсе не означает отсутствия внимания. То и дело в различных информационных изданиях появляются дискуссионные материалы, посвященные жанровой специфике блогов [Носик 2005], проникновению маркетинговых и других бизнес-стратегий в блогосферу [Котин 2005], конкурсам [<http://2005.bloggies.com>] и научным исследованиям [Ализар 2004] блогов. В настоящий момент сетевой дневник закрепил свой статус одного из атрибутов так называемого Web 2.0 [O'Рейли 2005], совершив, как нам представляется, экспансию из виртуального пространства в пространство культурное. Сами дискуссии о соотношении традиционных СМИ и блогов [Ализар 2005], сопоставления традиционной печатной литературы и сетевого онлайн-творчества [<http://www.lulublookerprize.com>] подтверждают эту мысль. Эти же дискуссии обнаруживают несводимость блогов к какому-либо из существующих классов явлений Интернет-среды. Кроме того, в истории мировой культуры без труда обнаруживаются многочисленные факты влияния технологии на ментальность. Например, освоение европейцами огнестрельного оружия и трансформация рыцарской этики, обогащение музыкальной культуры XX века новыми жанрами и направлениями в результате внедрения технологических инноваций в индустрию музыкальных инструментов. Аналогичный процесс имеет место в случае формирования медиаполя и появления новых стратегий поведения в информационном обществе.

Станут ли блоги значимым культурным феноменом и приведут ли они к каким-либо серьезным изменениям в современной мировой культурной парадигме, так сказать, в долгосрочной перспективе, покажет время. Однако то, что они являются одним из важнейших элементов актуальной культуры, не вызывает никаких сомнений.

Виртуальная личность и сетевой дневник

Само виртуальное пространство, одним из регионов которого является так называемая блогосфера, все чаще и чаще становится предметом изучения лингвистов, психологов, специалистов по современной массовой культуре. В силу этого мы вправе ожидать наличия у блогосферы свойств виртуального пространства.

Известный исследователь психологии Интернета Джон Сулер (Suler) в одной из своих статей [Сулер 1998] перечисляет его специфические

характеристики: ограниченное сенсорное переживание; анонимность множественности личности; уравнивание статусов; размывание пространственных границ; растяжение и конденсация времени; неограниченная доступность контактов; постоянная фиксация; альтернативные и сменяющиеся миры; ощущение «чёрной дыры». Данные обобщения психологических особенностей восприятия виртуального пространства могут быть без труда трансформированы в онтологические постулаты. Вместе с тем в онтологической перспективе можно рассмотреть не только виртуальное пространство, но и агентов, действующих в нем и создающих его. Данный вопрос был рассмотрен, в частности, в статье Евгения Горного «Онтология виртуальной личности» [Горный 2004]. Многие из перечисленных выше свойств виртуального пространства автор атрибутирует виртуальной личности. Личность в его понимании бестелесна, анонимна и множественна, но при этом автономна в своем действии и в целом существует в парадигме самоизобретения. Горный замечает, что в силу отсутствия у виртуальной личности телесности мы вынуждены понимать ее как нечто состоящее исключительно из знаков и действий. А так как для передачи знаков могут использоваться не только электронные носители, свойства виртуальной личности могут и не быть прямо связаны со свойствами среды. В данном случае *«важна не природа носителя, но эффект, производимый в психике соответствующим комплексом знаков»* [Горный 2004].

Такой подход дает возможность сопоставить виртуальную личность, рассмотренную как модель, с другими личностными моделями, разработанными в новоевропейской культуре. Наш тезис состоит в том, что виртуальная личность не является чем-то исключительным и новым в истории культуры. Ее основные атрибуты, свидетельствующие вместе с тем о глубинных ментальных доминантах европейской культуры, уже не раз обыгрывались как в философии, так и в литературе, а ныне они получили лишь еще одну возможность для самообъективации — на новом технологическом уровне.

Рассмотрим по порядку основные черты так называемой виртуальной личности, используя в качестве объекта анализа блогосферу — одну из областей наиболее интенсивного проявления личностного начала в Сети.

Самотворение, или *самоконструирование*, часто квалифицируются как уникальные признаки именно сетевой личности. Онлайн-дневники служат, пожалуй, лучшей иллюстрацией этого принципа. Живая, постоянно обновляемая, динамичная личностная история рождается у нас на глазах. Самоописание, являющееся семиотической самогенерацией личности, прямо или косвенно присутствует в любом сетевом дневнике. В связи с этим стоит отметить, что данная личностная модель уже была достаточно детально разработана в истории европейской культуры. Речь идет о модели *self-made man*, базис которой можно увидеть в двух культурных программах раннего Нового времени — южном (художественном) и в северном (религиозном) Возрождении. Стихийно самоутверждающийся титанизм Италии и протестантский дух северной Европы объединила идея индивидуаль-

ной ответственности за свою личность, осознание ее пластичности, возможность взглянуть на нее как на проект. Вариациями на эту тему стала субъектоцентричная гносеология Нового времени. Начиная с Декарта и заканчивая Гуссерлем, она признавала первой очевидностью непосредственные данные сознания. Исходя из них личность создавала себя, затем универсум, помещая себя в него.

Возможность существования личности *без тела*, закрепление за телом роли некоего атавизма в подлинной жизни человеческого существа неоднократно проигрывалось в культурных традициях. Традиционный взгляд на субъекта в философии Нового времени может служить самым убедительным примером. Субъект новоевропейской культуры действовал в ипостаси мыслящего **Я**, бестелесного интеллектуального сгустка. Введение тела в теорию познания происходит, пожалуй, впервые лишь в феноменологии Мерло-Понти уже в XX в. Отсутствие телесности в виртуальном пространстве не требует специальных доказательств. В блогосфере заместителями телесности служат, прежде всего, различные визуальные практики: выкладывание собственных фотографий, выбор так называемых «аватаров» или «юзерпиков».

Идея *множественности* личности также имеет богатую традицию. В новоевропейской мысли первым об иллюзии постоянного, единого, непрерывно существующего, простого и тождественного себе **Я** заговорил Дэвид Юм. Он находился в явной оппозиции к трактовке личности как субстанции и константы, предложенной ранее Декартом. Модель децентрированной, множественной, текучей и несубстанциональной личности обгрыбалась и в литературных практиках: например в романтической игре с двойниками и в литературе потока сознания — задолго до Пруста у современника Юма, Лоренса Стерна. В блогосфере идея множественности личности реализуется в создании виртуальных двойников, или «виртуалов», воплощение которых нередко претерпевает своего рода отчуждение и дистанцируется от авторского сознания, начинает вынуждать автора следовать своей собственной логике.

Самоконструирование, бестелесность и множественность — очевидные доминанты новоевропейской культуры — напоминают о своем актуальном присутствии в практиках сетевой коммуникации, в том числе и в ведении сетевого дневника.

Азарт от экспансии

Нам представляется, что сущность ведения сетевого дневника не сводится к оставлению в нем записей. Дерево возможных действий сетевых агентов имеет множество ветвей. Процедуры постинга, комментирования, включения или исключения других пользователей в друзья, чтение, применение визуальных средств, работа над оформлением дневника, участие в жизни сообществ, организация их и много другое говорит о том, что *вести сетевой дневник* — значит *пребывать в нем и действовать в нем*. Перечисленные операции составля-

ют структуру полноценной жизни сетевой личности внутри блога. В «ЯСивом журнале» модусами активной виртуальной жизни выступают вывешивание фотографий, использование некоторых элементарных элементов языка html, смена «юзерпиков», выстраивание гипертекстовых полей, использование сетевого жаргона. Тема сетевого языка заслуживает отдельного рассмотрения, ей посвящено большое количество публикаций [Смирнов 2005; Вернидуб 2005].

Таким образом, возможное первоначальное представление о сетевом дневнике как об одномерной структуре трансформируется в картину многомерного пространственно-временного блога-континуума. К введению понятий сетевого пространства и времени нас подталкивает не только структура изучаемого нами предмета, но и аналогии с эволюцией категорий других наук. Так, после физики понятия пространства и времени были применены в биологии, а затем и в социологии. Нам кажется, что использование их по отношению к сетевой реальности обладает эвристической ценностью.

Автором сетевого дневника движет своего рода азарт от осознания своей экспансивности. Что-то вроде инстинкта захвата новых территорий. Автор получает положительную обратную связь, когда понимает, насколько пластичен материал, с которым он работает. Говоря метафорически, виртуальное пространство легко принимает очертания его виртуального тела. Пластичность этого мира позволяет любому пользователю без труда оставить свой след. Пользователь может за пять минут создать свой аккаунт в сетевом дневнике, за десять может построить по шаблону домашнюю страницу, инициировать дискуссию в форуме, которую подхватит масса других пользователей опять же в предельно короткое время. Автор может отказаться от тождества своей личности и вмешаться в эту дискуссию от другого лица. Его появление в сети не останется незамеченным. Он будет проиндексирован поисковыми машинами, найден друзьями, врагами или, за отсутствием таковых, по крайней мере, может оказаться атакован спамерами. Написание же чего-либо в сетевом дневнике этот отклик гарантирует. Собственное существование пользователя неизбежно будет доказано! Высказывание в сетевом дневнике — это вариант *cogito*. Отличие виртуального *cogito* от декартовского состоит в том, что в первом случае доказывать собственное существование приходится не себе, а другим. Метафизический смысл дополняется тут смыслом психологическим или даже скорее психотерапевтическим. Признание существования является в то же время признанием значимости.

Элементами структуры виртуальной личности в сетевом дневнике являются несколько пересекающихся полей: поле собственных записей, поле комментариев, поле ленты друзей, поле информации о пользователе. Все они динамичны, но в разной степени. Наивысшая скорость изменения чаще всего у поля ленты друзей. Причем чем больше друзей у пользователя, тем выше скорость смены записей. Далее по динамичности можно расположить поле записей. Информация о пользователе наиболее статична, и это объясняется ее функцией — быть ядром

виртуальной личности в сетевом дневнике, относительной константой. Пределом константности наделяется ник, или имя виртуального пользователя. В отличие от чатов или служб мгновенных сообщений, ник нельзя сменить, можно только зарегистрировать новый аккаунт. Примечательно, что константой в Живом Журнале является именно вербальная составляющая личности. Визуальная составляющая (жюерпики, оформление дневника) может варьироваться.

В сетевом дневнике ситуация неоднородности сетевой личности изначальна. Виртуальная личность многоструктурна, включает в себя других пользователей. Ее виртуальные манифестации могут быть вызваны прямо или непосредственно действиями других пользователей. В таком случае невозможно говорить о первопричинах, взаимодействия с обратной связью усложняются и разрастаются в запутанную сеть прямых и косвенных взаимовлияний. Виртуальная личность может потерять свою пусть условную, но все же изначально присущую ей самостоятельность. Ее мотивация, исходящая изначально из нее самой, может оказаться отчужденной почти насильственно или делегированной добровольно другим агентам виртуального поля. Личность может строиться как ответ на действия других пользователей, быть их антитезисом.

Другая перспектива развития виртуального агента состоит в расширении его содержания, в перерастании пространства одного пользователя в сообщество. Это происходит обычно, когда запись, оставленная автором, обрастает сотнями комментариев, многие из которых инициируют свои собственные тематические ветви, не связанные уже с первоначальной, доминантной темой, заданной автором. Дискуссия не поддается контролю, она происходит на территории автора, но по содержанию является своего рода интервенцией.

Автора, пишущего в сетевом дневнике, интересует отклик, который он может получить от *удаленного*, если перефразировать Мандельштама, собеседника. Причем тот факт, что многие пользователи оставляют свои глубоко личные записи в общем доступе, говорит в пользу этого утверждения. Их интересует отклик не только знакомых им людей, но и отклик *другого, неизвестного* сознания. Другое сознание ценно тем, что оно делает мое собственное сознание другим по отношению ко мне. Другой отчуждает меня от меня, расслаивает, дает мне насладиться моей собственной глубиной и непредсказуемостью («Конструирование публичности ради тайного подглядывания за собой» [Каспе, Смурнова, 2002]. А потом возвращает меня мне, уже преобразенного мне удивленному. Как пронизательно замечает О. Мандельштам в своем эссе «О собеседнике»,

«единственное, что толкает нас в объятия собеседника, — это желание удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью. Логика невозможна. Если я знаю того, с кем я говорю, — я знаю наперед, как отнесется он к тому, что я скажу, — что бы я ни сказал, а следовательно, мне не удастся изумиться его изумлением, обрадоваться его радостью, полюбить его любовью. Расстояние разлуки стирает черты милого человека. Только

тогда у меня возникает желание сказать ему то важное, что я не мог сказать, когда владел его обликом во всей его реальной полноте. Я позволю себе формулировать это наблюдение так: вкус общительности обратно пропорционален нашему реальному знанию о собеседнике и прямо пропорционален стремлению заинтересовать его собой» [Мандельштам 1987: 65].

Подводя итоги, мы можем сказать, что личность, конструируемая пользователем сетевого дневника, не просто *диалогична*, но *автодиалогична*. Сетевая личность невозможна без другой сетевой личности. Автор сетевого дневника обращается к себе, к Другому и к себе как Другому. Другие фундаментальные характеристики сетевой личности (самотворение, бестелесность, редуцированность к семиотическим манифестациям, множественность) не находясь в прямой зависимости от свойств виртуального пространства. Эти характеристики неоднократно обыгрывались в поле европейской культуры, задолго до появления электронных средств сетевой коммуникации. Среда сетевого дневника дает лишь новую возможность объективировать доминанты новоевропейской личностной модели.

Ализар А. Психология блоггера: научное исследование // webplanet.ru, 23 марта 2004 // http://www.webplanet.ru/news/internet/2004/3/23/blog_survey.html

Ализар А. СМИ против блогов: кто влиятельнее // webplanet.ru, 22 марта 2005 // <http://www.webplanet.ru/news/internet/2005/3/22/blogga.html>

Вернидуб А. У языка есть афтар // Русский Newsweek. № 17 // <http://runewsweek.ru/theme/?tid=16&rid=215>

Горный Е. Онтология виртуальной личности // Бытие и язык: Сб. статей по материалам международной конференции. Новосибирск, 2004. С. 78-88 // <http://www.zhurnal.ru/staff/gornyy/texts/ovr.html>

Жичкина А. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста // http://flogiston.ru/articles/netpsy/avtoref_zhichkina

Каспе И., Смурнова В. [Livejournal.com](http://livejournal.com), русская версия: поплачь о нем, пока он живой // Неприкосновенный запас. 2002. № 24.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и о-ве, Екатеринбург, 2004.

Кобрин К. Похвала дневнику // <http://www.nlo.magazine.ru/dog/gent/gent86.html>

Котин М. Влог всемогущий // Секрет фирмы. 2005. 25 июля. С. 46-48.

Лейбов Р. Живой журнал словами писателей // Русский журнал, http://www.russ.ru/krug/20031017_rl.html

Лейбов Р. Неживой нежурнал // <http://www.globalrus.ru/opinions/131813/>

Луман Н. Реальность массмедиа, М., 2005.

Мандельштам О. О собеседнике // Мандельштам О. Слово и культура: Статьи. М., 1987. С. 48-55.

Носик А. «Блоггинг: точки пересечения с интернет-СМИ и возможное развитие в российской реальности», webplanet.ru, 26 сентября 2005 // <http://www.webplanet.ru/news/reading-room/2005/9/26/nossik.html>

О'Рейли Т. (Tim O'Reilly) Что такое Веб 2.0? // Компьютера. 2005. 18 окт. С. 58-63 // <http://www.computerra.ru/think/234100/>.

Орехов Б. Живой как жизнь // Гипертекст. 2004. № 1. С. 26-27

Смирнов Ф. ЖЖ: учим албанский // <http://www.webplanet.ru/news/talks/2005/5/4/livejournal.html>

Сулер Дж. (John Suler). Люди превращаются в Электроников: основные характеристики виртуального пространства // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/electronic>

Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование Я в опосредованном компьютером общении // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/frindte>

Шперх А., Мир имени меня // <http://vlc.pedclub.ru/modules/wfsection/article.php?articleid=467>

Эко У. От Интернета к Гуттенбергу // <http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/10.html>

Ортега-и-Гасет Х. Вокруг Галилея // Ортега-и-Гасет Х. Избранные труды. М., 2000. С. 233-403.